

Саша Ситенанова Сахарный дом

1

Сейчас уже невозможно вспомнить, кто из нас придумал это первым: ты (второй этаж, книжные шкафы с черненными в глянец торцами и предмет моей бесконечной зависти — печатная машинка «Ундервуд») или я (первый этаж с дореволюционной печью, таинственный замурованный ход в гостиной, все вокруг такое старое, старое, старое), вот только именно с тобой мы столкнулись, стоило мне впервые выйти в незнакомый двор. Срочно нужно было рассказать кому-нибудь, зачем мы приехали, а ты как раз тащил мусорное ведро и сказал: «Привет», и я тоже сказала: «Привет», потому что ты выглядел как человек, которому можно доверять. Я уселась на заснеженную лавку и выложила, что моя бабушка пропала и все ее ищут, теперь мы, наверное, тоже будем ее искать, а пока разбирали чемоданы, кто-то трижды

постучал в дверь, правда, снаружи никого не было — мы не открывали, только смотрели в глазок. Тут ты вспомнил мою бабушку и то, как она кормила голубей. Раньше ты очень ее боялся и пробегал мимо, не здороваясь, потому что вместо рук у нее были птичьи лапы, а в дверь здесь стучат всем и постоянно, правильно сделала, что не открыла.

Сверху напомнили о мусорном ведре, и мы, конечно, пошли опустошать его вместе.

Вечером ты заглянул ко мне и принес печатную машинку. Мы выключили весь свет, кроме гирлянды на елке и торшера. Я не могла решить, что бы такого написать, и напечатала одним пальцем: «Бабушка пропала два дня назад. Все говорят, что она могла забыть свой адрес и ходит сейчас по городу одна, а ведь декабрь. Надеюсь, ее кто-нибудь приютил. Она пьет чай в чужом доме и никого не узнает». Снова повалил снег, ветер стонал в дымоходе, наши родители искали бабушку, а мы сидели молча.

— Почему ты решил, что у бабушки вместо рук птичьи лапы? — спросила я.

— Я их видел, — ответил ты. — Здесь никто не знал, что у нее есть семья.

— Мы живем далеко, у нас даже время другое... — начала оправдываться я, и тут в дверь постучали.

— Не надо, не открывай.

Мне как раз не хотелось. Мы посидели еще немного, а потом кто-то — то ли ты, то ли я — предложил посмотреть бабушкины фотографии, чтобы узнать, руки у нее или лапы. Сначала мы листали толстую тетрадь, в которую бабушка записывала молитвы, потом отыскиали пыльный альбом. Вот бабушка и ее младшая сестра, которая умерла в пятнадцать лет; бабушка и ее родители — они

тоже умерли; совсем маленькая бабушка с куклой, и ни-где, ни на одном снимке не было видно ее рук.

— Она любила голубей. Каждый день кормила их хле-бом в нашей галерейке, — сказал ты. — Я видел лапы, как тебя сейчас.

Мне срочно нужно было побыть одной. Я попросила об этом, и кто-то — то ли я, то ли ты — убрал фотографии обратно в шкаф.

2

Бабушкин дом на улице Студеной потемнел от сырости, другие — в Холодном переулке — выглядели не лучше. К празднику все «Заповедные кварталы» украсили сере-бряными гирляндами, и я бродила между ними, будто потерянная в ледяной сказке. Думала о бабушке, кото-рую никогда не видела, и о том, как она жила здесь со-всем одна. Чтобы согреться, нужно было включать элек-трический камин. Оставлять камин наедине со мной в деревянном доме родители боялись, поэтому чаще все-го я гостила у соседей и время от времени забегала в те-плый католический храм, открытый в бывшей усадеб-ной конюшне. Выяснила, что бабушкин дом — флигель особняка Щелокова, окна которого тоже выходили в наш двор. Некоторые были забиты фанерой, но в крайнем по вечерам зажигали свет. Сам двор, отгороженный от улицы кирпичной оградой с воротами, отличался ги-гантским дубом — самым старым в городе, о чем со-общала охранная табличка. Здесь запрещалось рубить, копать и, похоже, чистить снег — выбираться из двора приходилось по протоптанной тропинке. Сахарный дом. Купец Щелоков торговал сахаром. В подъезде жили

коты, на мощных деревянных ступенях ютились их миски, возле храма золотился подсветкой вертеп. Глядя на него, я сцепляла в замок озябшие пальцы и беззвучно шевелила губами, пока очередная группа туристов не оттесняла меня в сторону.

Родители возвращались, в ответ на все вопросы качали головами, распаковывали готовую еду и сразу утыкались в телефоны. Бабушкина фотография с подписью «Помогите найти! Нуждается в медицинской помощи!» висела прямо на кирпичном столбе под старым дубом. Галерейку — небольшое открытое пространство с колоннами на первом этаже дома — замело до самых перил, из снега виднелись только шипы, которые кто-то установил здесь от птиц. Из галерейки я тебя и увидела — ты заходил во двор, как обычно, одетый во все черное, и я помахала варежкой: незнакомый старик, что стоял на другой стороне улицы, помахал мне в ответ.

Тогда мы и решили, что должны разыскать ее сами.

Лучше всего об этом думалось в сквере на Короленко — по вечерам там собирались люди, играла музыка, разноцветные лучи били в ледяную беседку, и она становилась то синей, то зеленой, то алой. Пахло еловыми лапами и чаем из самовара, на деревянных прилавках были разложены сувениры — ароматные свечи, наклейки в виде плиточек фальконье, елочные игрушки... И никто из тех, кто приезжал сюда за подарками, даже не подозревал, что мы с тобой живем неподалеку, живем в том самом доме, мимо которого они проходят с экскурсиями.

— Идем, — сказал ты и взял меня за руку.

Пропустив мужчину с самоваром, мы юркнули в музей-усадьбу. По скрипучим ступеням прокрались в комнату с печью — в соседней читали лекцию, а здесь был как

будто дореволюционный кабинет с книжным шкафом и конторкой. Над столом — пейзажи и несколько портретов без подписей. На один из них ты и указал.

— Это же она? Вроде похожа. Я сам не понял, пока не увидел фотографии.

Похожа — слабо сказано. Можно подумать, срисованная с объявления «Помогите найти!», только укутанная в шаль, со сложенными на коленях руками, и пальцы — что-то было у нее с пальцами, они скрючились и слиплись. Похоже на птичьи лапы, если смотреть издалека.

— Есть новости про бабушку, Лиз?

Это подошла Ольга. Она работала в «Заповедных кварталах», а мы частенько сюда забежали. Я помотала головой:

— Не-а. Откуда у вас тот портрет?

Ольга нахмурилась, вспоминая.

— Все, что здесь есть, получено в дар от жителей города. А купчиха... Купчиху тоже передал кто-то из местных. Начало XX века, художник не установлен. Сейчас даже точнее скажу — это был нашего самоварщика сосед. Чердак разбирал, ну и нашел ее.

Мы выскочили обратно в сквер. Дымком уже тянуло на всю улицу.

— Точно, на чердаке, — подтвердил самоварщик. — Так вы должны его знать, у него за домом голубятня.

— Я помню, где это, бежим!

— Для чего нам портрет, если мы ищем бабушку? — спросила я, задыхаясь, пока ты тащил меня закоулками к косым сараям.

— Он нужен! — выкрикнул ты. — Я просто чувствую! Твоя бабушка любила голубей!

В темноте сараи казались черными. Не знаю, как раньше, но сейчас голубями здесь и не пахло — они бы шевелились, гадили, издавали звуки. Я с тоской посматривала на окна соседнего дома с наличниками, пока ты изучал сараи, подсвечивая себе фонариком телефона.

— Были голуби, точно. — Я взглянула туда, куда ты указывал, и различила в снегу слипшиеся грязные перья. Луч фонарика метнулся вверх — на деревянной двери сарая виднелась накорябанная краской четверка.

Мне тоже нашлось что тебе показать.

— В самом верху наличника, видишь?

Спрятанные в деревянных кружевах, там целовались клювами два резных голубя.

— Квартира номер четыре. — От волнения твой голос стал низким. — Уверен, что это как раз его окна.

Первый этаж дома ушел в землю, и «его окна» стали полуподвальными. Отыскав нужную дверь с мятым почтовым ящиком, мы постучали и прислушались. Некоторое время ничего не происходило, а потом зашаркало, скрипнуло, шелкнуло — из дверной щели высунулся тот самый старик, которого я недавно видела возле нашего двора.

— Это вы! Вы помахали мне, помните?

— Чушь городишь, — буркнул он и, быстро оглядев улицу за нашими спинами, втянул нас внутрь.

Сразу за дверью начиналась комната, а кухни не было вообще — стол, электрическая плитка и маленький холодильник ютились в углу рядом с кроватью. Бабушкина квартира больше не казалась мне старой. «Нищета», — шепнул ты, и я поняла, что дело как раз в этом. Нищета. Крепко пахло птичником, я сразу заметила голубя — он был всего один, топтался на рожковой люстре под потолком. Обычный сизый, никакой не породистый.

Пока я зевала по сторонам, ты сказал:

— Вы подарили музею портрет купчихи. Кто она такая?

— Ясно кто — Щелокова, хозяйка. — Отвечая, старик суетился у плитки — снял крышку с небольшой кастрюльки, пошевелил половником. — Суп будете?

Мы слаженно отказались, а он утвердился на табурете перед тарелкой лапши. Отчего-то не покидала мысль, что суп — голубиный.

— Моя бабушка тоже Щелокова? — догадалась я. — Вы видели ее фотографию, она пропала.

— Седьмая вода на киселе, — кивнул он и захлюпал супом. Мы беспомощно переглянулись.

— Может, вы знаете, куда она могла пойти?..

Старик отложил ложку и вытянул руку в ватнике. Голубь, будто только того и ждал, захлопал крыльями и уселся к нему на рукав. Тут я заметила, что пальцы у старика корявые, как у купчихи с портрета.

— Артрит, — пояснил он в ответ на мой взгляд. — Наследственное. В Верхний Новгород она ушла, больше некуда.

— В Верхний Новгород? — повторила я недоверчиво.

— Птицы бывают там по несколько раз на дню. Улетают и возвращаются, сами того не замечая. А вот люди...

— Нет никакого Верхнего Новгорода, — перебил ты всезнайским тоном. — Есть только Нижний и Великий.

— Нет так нет, — согласился старик и снова ложкой застучал. Вот зачем ты только влез? Больше он нам ничего не расскажет.

— Как туда попасть? — выкрикнула я. Голубь, будто учуяв мое отчаяние, перебрался по рукаву повыше. — Я скажу родителям, они разберутся!

— Все мы там будем. — Дед смотрел на меня из-под косматых бровей пристально и не моргая. — Одни раньше, другие позже. Щелоковы, думаешь, просто так поблизости усадьбу прикупили? На Короленко Верхний Новгород и есть. Делов-то было — следить, чтобы никто случайно туда не ушел. Случайно туда не особо и уйдешь, однако в некоторые дни образуется, так сказать, щель... Такая, что сразу не поймешь, в Нижнем ты или уже в Верхнем. А пока сообразишь, обратного пути не станет.

— Так вот что это было, — сказал ты, и я испугалась твоего лица.

3

Именно тогда впервые зазвучало слово «расселение». Откуда-то взявшись раз, оно потянулось от жильца к жильцу, зашипело в коридорах, рассорило и встревожило. Было это ровно год назад, именно перед Новым годом — думать о расселении в праздники совершенно не хотелось. Кто первым принес этот слух, было уже не выяснить, однако сомнениям он не подвергался. Жизнь в объекте культурного наследия, тем более аварийном, вообще предполагала некую конечность: либо все здесь само рухнет, либо выделят какую-никакую квартиру. Разумеется, не в центре. Школа? Прости, но школу тоже придется менять.

В перспективе школу было жаль. Но опять же не сейчас, не в последний учебный день перед длинными зимними каникулами, когда можно спать до обеда, а потом включать комп и вообще не выходить на улицу, разве что за энергетиками до «Спара» или раскидать снег во дворе, чтобы матери было где парковаться. Вся эта детская история с новогодним настроением отвалилась еще лет

в десять. Католики из храма по соседству вовсю готовились к Рождеству, но даже кэролы, которые оттуда доносились, не помогали. Елку родители наряжали сами, гирлянды во дворе появлялись благодаря тому, что улицу Студеную причислили к проекту «Заповедные кварталы» и назначили одним из центров городского туризма. Расселяли тоже не просто так — жилыми эти дома больше не станут. Наверное, по этому поводу полагалось что-то почувствовать, но какая вообще разница, где жить?..

День еще был такой темный, снежный. Под ногами снег быстро превращался в грязь, дорога от школы обычно занимала немного, но сейчас отчего-то захотелось прогуляться до Короленко — ага, все-таки будешь скучать... Улица непривычно пуста, справа и слева топорщатся голые тополя, деревянные домишки вдоль дороги светятся огнями, как жилые, хотя давно уже заброшены. В переулке, задрав головы, стояли люди — здесь почти что на каждом доме можно найти стрит-арт. Раньше это казалось обыденным, неинтересным, а сейчас промелькнула мысль присоединиться и тоже поднять голову, хоть раз посмотреть не вниз, а вверх. Но они не дождались, скрылись.

Издалека звучала «Рождественская оратория» Сен-Санса. И вот уже не нужно никуда спешить, а только стоять и смотреть, как с иссиня-черного неба плавно опускается снег, как движутся тени и свет гирлянд отражается в мокром асфальте. Внезапно подумалось о Боге — отчаянно захотелось, чтобы Он был. Следом накатил страх отсутствия людей. Но нет, все эти дома больше не пусты — вот дрогнула, отдергиваясь, цветастая занавеска. Чьи-то тонкие руки одну за другой зажигают свечи. По кабинету ходит туда-сюда длинный человек с книгой, цокают по мостовой копыта, хрипит пластинка. Мелодия

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Проза:

